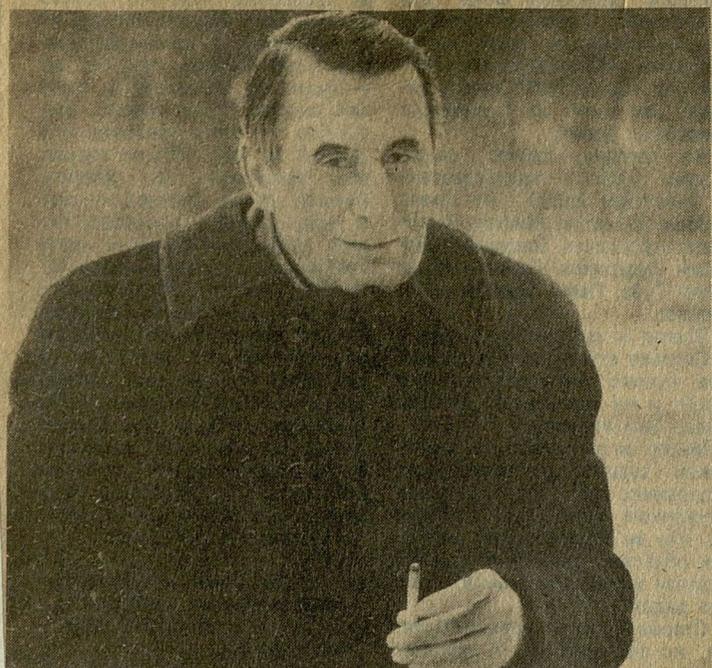
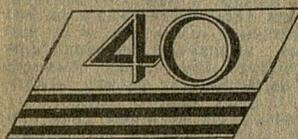

Беседуют ветераны войны: журналист Нина Рощина и писатель Вячеслав Кондратьев

Великое слово — «надо»

У Вячеслава Кондратьева необычная писательская судьба. Он выступил с первым произведением, когда ему минуло 59 лет. Но вошел в литературу стремительно и, я бы сказала, ошеломляюще. Его первая повесть «Сашка» привлекла самые широкие читательские круги. Особенно она полюбилась молодежи.

А потом — одна за другой повести, пьесы. Последняя пьеса «Бои имели местное значение...» написана к 40-летию Великой Победы специально для МХАТа и сейчас с успехом идет на сцене театра.

Широк диапазон писательских замыслов. Они охватывают судьбы целого поколения.

Но вот беседе с ним, и тебя не покидает ощущение, что встретился с героем рассказов и повестей тех опаленных войной лет. Нет, не с писателем, а именно с героем его книг. В его манере говорить, улыбаться, закуривать проскальзывает что-то от фронтового солдата, прекрасно знающего, почему фунт лиха. Да к тому же не утратил он юношеской живости движений, быстроты взгляда.

— Вячеслав Леонидович, насколько ваши книги автобиографичны?

— Я выплеснул в них то, что пережил сам и что просто не мог не сказать — пережитое подступало к горлу.

В 1939 году я, девятнадцатилетний паренек, вместе с товарищами по Архитектурному институту, куда только что поступил, по воршиловскому призыву пошел в армию и попал в полковую школу на Дальнем Востоке. В мае 1941 года нам сообщили, что в сентябре отпустят для продолжения учебы.

О войне мы узнали в 7 часов вечера — помню, в кино это было. Наутро, кажется, весь полк стоял в очереди у штаба полка, чтобы подать рапорт о направлении в действующую армию. Нас ночью подняли по тревоге и перевели в Приморье, поближе к восточной границе. А вскоре 50 младших командиров отправили на фронт. Я был в их числе.

Самое сильное мое впечатление, пожалуй, — Селижаровский тракт, по которому мы после выгрузки из эшелона пешим строем отправились к линии фронта. Трехсуточный марш завершился ночами. И все время справа и спереди маячило багровое зарево. Мы шли к этому за-

реву, пока не услышали гула передовой.

В марте 1942 года мы оказались под Ржевом: по дороге потеряли лейтенанта, и мне пришлось командовать взводом.

Ржев в истории Отечественной войны занимает особое место. После наступления гитлеровцев на Москву фронт здесь задержался на полтора года. Шли изнурительные «бои местного значения», как об этом сообщалось в сводках Информбюро. По весенней мокряти, на виду у противника. Не было сил, не хватало снарядов, минометов, не было подвоза продуктов. Но — воевали, ходили в разведку боем, наступали через страшное овсянниковское поле, устлая его серыми горками убитых солдат.

— До вас было написано много книг о войне. Но ваши занимают особое место. В них дано не только и не столько соотношение между подвигом и, например, трусостью, что составляет сюжетную канву многих произведений о войне. Они — странички подлинной жизни, которой жили люди на войне. Со всеми ее бытовыми подробностями, разговорами в передышке между обстрелами, голодом, холодом, взаимоотношениями, складывающимися в обстановке постоянной смертельной опасности. Почему ваше внимание привлекла именно такая «ипостась» лихой години?

— Потому что я был в пехоте. Много написано об артиллеристах, летчиках, танкистах. Им было трудно в бою, но в обычное время они жили обычной жизнью. Для солдата же пехотинца каждый день — подвиг. И то, что он спал в шалашике под вечным обстрелом, потому что саперная лопата не брала мерзлую землю. И то, что любая самая обыденная вещь могла обернуться для него гибелью. Все выжили и живые и мертвые в тех проклятых боях подо Ржевом. Но их надо было вести, потому что после провала наступления на Москву Гитлер считал ржевский выступ пистолетом, приставленным к сердцу России. А когда началось наступление на юге, бои подо Ржевом оттягивали силы врага.

После войны я пошел учиться — окончил Полиграфический институт, стал художником. Но по ночам снился мне грохот стрельбы, а память о фронтовых товарищах не давала покоя. Тогда я стал писать — вышло триста страниц, которые я назвал «Ржевской прозой».

А потом, взяв с собой рукопись, поехал на место боев. Это было уже спустя девятнадцать лет после того незабываемого времени. Деревни Овсянниково, Усово, Черново... Промерил ша-

гами те самые 800 метров овсянниковского поля. На нем еще валялись каски, ржавые гильзы от снарядов, в лесу, словно блюдца с водой, виднелись воронки от минометного обстрела. Как будто вчера все это было. И черепа — может, это те, кого я знал, — ударило в сердце. Долго сидел у памятного оврага. И мне стало ясно, что написал я не то. И писать надо по-другому. И понял — как. О своей войне, о своих павших друзьях. Они словно требовали, чтобы я, чудом оставшийся в живых, выполнил свой долг — написал всю правду о том, как все было. Я написал «Сашку», когда настолько сжился с ним, что он стоял передо мной и я просто ждал, что он будет делать. Правда, прошло время, пока повесть увидела свет...

Была у меня и еще одна затаянная мысль, когда я писал свои первые вещи: вдруг кто-то откликнется из тех дальневосточников. В живых остались только двое.

— Вы с такой силой обрисовали фронтовые будни солдата, что каждый, кому довелось быть на передовой, узнает себя.

— Был такой случай. Раздался телефонный звонок. Взволнованный голос закричал в трубку: «Вы писатель, Кондратьев? А я — Сашка. Я — Сашка!». Оказался щуплым подвижным человеком. Воевал на другом фронте, рассказал много интересного.

О войне можно писать бесконечно, а тем более о пехоте. Но для этого надо побывать там. Константин Симонов рассказывал, что ему сказал генерал Пухов: почему мало пишете о пехотинцах, о том, как солдаты по грязи на животах под вражеские пули ползут. И Симонов стал писать о пехотинцах. Это очень трудно, признавался он. Надо самому побывать в шкуре простого солдата, которому пришлось горше всего на войне.

Разные у всех судьбы, разные характеры, на разных фронтах они воевали, но было у них у всех общее — неизбывная любовь к Родине, которая вела их вперед, помогла переносить невообразимые тяготы.

— В ваших произведениях показан крупным планом образ молодого человека, начинающего свою жизнь с войны. Нынешние школьники, встречаясь с ветеранами, видят перед собой седовласых, пожилых мужчин и женщин, и время как бы смещается для них. Порой может показаться: прошло войну взрослое старшее поколение. А ведь это поколение в основном составляли сверстники сегодняшних школьников, yesterday мальчишки. Они внесли непомерную тяжесть, павшую на их неокрепшие плечи, с честью. Мужество, стойкость, чувство ответственности, собственного достоинства, верность и совесть — вот что показали они на войне. Откуда у вас, вашего поколения, и конечно, ваших героев оказался такой запас надежности?

— Наше поколение, если можно так сказать, выросло на дрожжах революции. Подвиги героев революции и гражданской войны были спутниками нашего мужания.

Сказалось и то, что мы внутренне готовились к войне. Предчувствовали ее. Знали, что нам придется отстаивать завоеванное нашими отцами. Еще будучи в довоенной армии, я написал стихотворение, которое назвал «пророческим». Там есть такие строки: «Может быть, впереди ожидают уж нас сверкающей сталью снаряды и ужас раскрытых невидящих глаз и холодное слово «надо». Вот это слово «надо» мы пронесли сквозь всю войну. Сквозь всю жизнь.

— Ну, мне кажется, что слово это, ставшее словно стержнем ваших произведений, не только холодное слово приказа. Сколько оттенков оно имеет! Вспомним Сашку, когда он раненый (никто в бою не боится так обстрела, как раненый) проделал обратный путь, чтобы проститься с друзьями, или как санинструктор, пре-

небрегая голосом разума и советами, бросился под обстрел, чтобы вытащить бойца. Да мало ли! Горячая волна окатывает, когда читаешь, как люди следуют этому «холодному» слову.

— Мы на войне не были жестокими. И не вернулись с нее такими. Вспомнина школьницу, которая на читательской конференции сказала: «Я не люблю читать о войне, надоело, скучно. Мне говорили «прочно «Сашку». Я прочла, и мне стало горько, что я не такая, как он. Я бы, наверное, стала жестокой в такой войне». Надо воспитывать себя, ответил я.

— Мне не раз на ум приходил «Парадоксолист» из «Дневника писателя» Достоевского. Читал еще до войны, но хорошо запомнил выраженную там мысль. Один из собеседников говорит, как ужасна война с ее жестокостью и смертью. Другой же возражает, что она прекрасна с ее жертвенностью. Война, которую вели мы, — за Отчизну, за близких, любимых, за свою молодость и жизнь — была наполнена примерами исключительной жертвенности. Это связано и с теми нравственными качествами, которые привило моему молодому поколению советское общество. Нет, не пришли мы с войны жестокими. Мы вернулись с нее, я бы сказал, просветленными.

— А школа? Что сделали школа, учителя, по вашему мнению, для того, чтобы выпустить в жизнь таких юношей и девушек?

— О! Школа, в которой мы учились, была замечательной. И учителя наши были прекрасные учителя. Прежде всего это были высокоинтеллигентные люди.

— Такие, как Савкин, в пьесе «Бои имели местное значение...»?

— Там образ не раскрыт до конца. Но интеллигентность этого человека, умение ненавязчиво и мудро дать совет, подказать решение, к которому даже в напряженной обстановке боя невольно прислушаешься, я постарался передать. Кстати, именно интеллигентные, умные, начитанные командиры играли огромную роль на войне. Их решения были более взвешены, они, я бы сказал, достойно несли тяжелое бремя ответственности, их приказы оборачивались меньшим количеством жертв.

— Значит, учителя воспитывают прежде всего своим примером?

— Конечно. Но не только этим. Наши учителя прекрасно знали свой предмет, прививали нам любовь к самому великому благу на земле — русской литературе. Сколько добрых мыслей и чувств рождает она. Что касается меня, то я на всю жизнь сохранил признательность своей учительнице русского языка. И свою рукопись я первой показал ей.

Могут сказать, что все хорошее, что во мне есть, — от русской литературы. Мне иной раз кажется, что я жил во времена Пушкина — так он изобразил во всех подробностях свою эпоху. Мой любимый писатель также — мудрейший и гуманнейший человек Чехов.

С грустью нередко замечаю, что нынешние молодые люди меньше читают классиков. Хочу рассказать о таком случае. Два студента ГИТИСа задумали инсценировать мой рассказ — «Асин капитан». Суть его, напомню, сводится к тому, что капитан, огулвшийся на войне, но горячий и искренний человек — оставляет близкую ему девушку-фронтовичку наедине с лейтенантом, которого она любила в далекие мирные дни. А те, погрузив, расстаются. «Почему он с ней не переспал, ведь капитан нарочно ушел?» — спросил один из студентов. Не задал бы такого вопроса, если бы в пятнадцать лет читал Тургенева, подумал я.

Когда я слышу разговоры, продуктивные состоянием вседозволенности, ставшим обычным для иных молодых людей. Думаю: мы в окопах были чище, наивнее, красивее этих циничных юнцов, живущих сегодня в

уюте и довольстве.

— Все ли, по вашему мнению, делает школа, чтобы привить своим воспитанникам высокие нравственные принципы?

— Наверное, не все. Конечно, не только вина школы в том, что молодежь порой предпочитает умной книге дискотеку. Не школа виновата в том, что вдруг слышишь, как два здоровенных парня разговаривают о тряпках, джинсах, куртках и прочей ерунде. Что иной раз многие молодые люди не хотят напрягаться, много работать, заботиться лишь о том, как бы хорошо пожить. На то есть много причин. И прежде всего то, что научно-технический прогресс не идет в ногу с прогрессом нравственным.

Но просчеты школы тут тоже есть. Было время, когда в педагогические институты было легче всего поступить, и шли туда люди отнюдь не по призванию. А в школе должны быть только те, у кого есть педагогический талант. Извините меня, просто дамы с нервами не вырастят мужественных и смелых ребят.

Я твердо уверен, что реформа сама по себе не заменит хорошего учителя.

— Но реформа, Вячеслав Леонидович, предполагает прежде всего серьезную переориентацию педагогического, нравственного, гражданского сознания учителя.

А все ли, по вашему мнению, делается для военно-патриотического воспитания молодежи?

— Жизнь предоставляет много материала для того, чтобы воспитывать молодых людей патриотами, готовыми к защите Родины. 40-летие Великой Победы открывает для этого новые возможности. Но при этом, как огня, надо бояться формализма. Необходим правдивый, искренний подход ко всему, что мы пережили. Молодежь очень чувствительна к правде, и надо идти к ней с этой чистой правдой.

Важно избегать пустой парадности, фальши, красивости. Вот, скажем, встречи с фронтовиками. Спору нет, они очень нужны, просто необходимы. Но подходить к ним надо очень осторожно. Ведь иной фронтовик говорит не только о том, что было, а о том, что должно было быть. Молодежь не может знать все и обо всем. Но она должна всей душой ощутить, какой неизмеримо тяжелой ценой досталась нам Победа в этой суровой войне из всех войн.

— В канун 40-летия Великой Победы много пишется и говорится о воспитательном значении литературы о войне. Каковы ее дальнейшие перспективы?

— Литература должна развиваться. Иначе не может быть. И развиваться она должна в сторону большей глубины и правдивости. Нужно показать не только победное шествие нашей армии на завершающем этапе войны. Не должны быть забыты те, кто остался на полях сражений в первые ее годы. Нужно сказать, как им было трудно, как они преодолевали эти трудности, как учились и на ошибках, и упорно, не теряя веры, шли к победе. Ведь сорокалетие — не только праздник, это осмысление на новой ступени всего того, что вынес советский народ.

Иначе литературу подстерегает опасность — она может обратиться в чисто приключенческий жанр, когда уйдет наше поколение фронтовиков.

Необходимо собирать и бережно хранить солдатские мемуары, которые содержат подлинную фронтовую правду. Надо только дать совет всем, кто пишет их, — работать без внутреннего редактора, писать только то, что было в действительности, ничего не приукрашивая.

— Что вы хотели бы пожелать нашему сегодняшнему учителю?

— Работать так, чтобы своими поступками порождать ответные благородные поступки. Растить и совершенствоваться самому. Чтобы его воспитанники умели измерять свою жизнь с великим словом «надо».

Беседу вела
Нина РОЩИНА.
Фото М. КУЗМИНСКОГО.